

Чувство переполняло Гермиону. Она испытывала непреодолимое возбуждение, пытаясь мыслить здраво, в то время как над ней работали гораздо сильнее и увереннее. Наслаждение не ослабевало, и на каждом шагу она обнаруживала, что теряет концентрацию ради того, чтобы поддаться, охваченная желанием и голодом ситуации, которая ужасным образом выходила из-под ее контроля в лучшем из возможных вариантов. Она схватила подушку и приглушила ее, когда оргазм сломил ее, и каждое желание быть громким и лихорадочным внутри нее выразило себя. Держать себя в руках для Гермионы было легче сказать, чем сделать, и она чувствовала себя совершенно безнадежной перед лицом всего этого разрушающегося желания, всех этих бессмысленных, зыбких удовольствий, которые продолжали бить ее с интенсивностью, которая жестко доказывала свои злые цели.

Гарри замедлил свои движения, вместо того чтобы остановить их, потирая большим пальцем круги на ее клиторе и целуя ее бедра, пока он смотрел на нее сверху, наблюдая, как она медленно отбрасывает подушку и снова открывает свое покрасневшее лицо. "Ты выглядишь мило, когда расстроена", - поддразнил он.

"Я рада, что смогла представить тебя своей семье", - сказала Гермиона, проводя руками по его лицу и проявляя к нему те же чувства, которые он проявлял к ней, когда она была внизу. "Но я также буду рада, когда мы вернемся в школу, и мне не нужно будет так тихо говорить обо всем".

"Ну, наслаждайся тишиной, пока можешь. Когда мы придем к Дурслям, спокойнее не будет".

Всю оставшуюся часть их короткого путешествия до того, как Грейнджеры отправились в отпуск на Средиземное море, Гермиона проводила все свое время либо с Гарри, либо с родителями. Гарри старался делать домашние задания в те моменты, когда Гермиона была занята с ними, но всякий раз, когда он предлагал поработать над тем, что он сделал вместе с ней, она настаивала, что сделает это позже, и вместо этого целовалась с ним.

Гарри не думал, что Дурсли будут добры к Гермионе, но он не ожидал, что вместо этого она встретит совершенно каменное молчание. Он подумал, что из всех волшебников, которых встречали его дядя и тетя, Гермиона может оказаться той, кто хотя бы покажется им нормальной. Магглорожденная девушка, чьи ноги твердо стояли на земле. Никаких странных трюков, никаких эксцентричностей. Гермиона представляла собой нормальность, которой, возможно, были бы рады в доме Дурслей, возможно, даже заставила бы их на какое-то время вести себя как приличная семья. Он даже не очень хотел ехать, но она хотела встретиться с ними, хотя бы для того, чтобы увидеть своими глазами, как выглядит дом. Это была сентиментальность в такой форме, которая, казалось, не совсем подходила Гермионе, но он принял ее. Это было Рождество.

Каменное молчание за обеденным столом изменило все это. Было совершенно невыносимо сидеть в ожидании и терзаться смущением, пока Гарри ковырялся в еде. Гермиона несколько раз почти пыталась заговорить, но потом снова упускала эту возможность, в неловком замешательстве снова погружаясь в молчание, не в силах собраться с мыслями, чтобы заговорить. Она ела. Она не делала ничего, кроме еды. Сожаление пришло легко.

В голове Гермионы не укладывалось, что это будет удивительный опыт сплочения семьи, когда ей удастся заставить Гарри и Дурслей пойти навстречу друг другу. По ее мнению, она привела Гарри домой, и как бы он не думал, что все пройдет хорошо, сам факт знакомства с семьей своего парня был чем-то правильным. Это было похоже на поступок подруги. Оглядываясь назад, можно сказать, что это была глупая сентиментальность, а не то, что должно было стать главным выбором Гермионы, но, как ни странно, она была вынуждена поддаться этому, как бы это ни было досадно.

Наконец, Дадли с такой невыносимой ухмылкой, какую он только демонстрировал, сказал: "Ну и как выглядят ее сиськи без этого мешковатого свитера?".

"Простите?" спросила Гермиона. Ее заглушили более громкие звуки в комнате.

Петунья укорила своего сына твердым, изумленным восклицанием его имени. Это был не самый громкий звук в комнате.

Тут же Гарри вскочил со своего места и хлопнул кулаком по столу. Вернон точно знал, что происходит, и начал яростно рявкать на Гарри, чтобы тот сел, и то, что вылетало из его рта, едва ли можно было назвать словами; просто пенившееся выражение гнева и агрессии к мальчику, чтобы он не делал ничего поспешного. Гарри это не понравилось, и он закричал нарочито резче и громче, чтобы перекричать дядю: "Не смей больше так с ней разговаривать!".

Вернон тоже продолжал кричать. Продолжал кричать на него, чтобы он сел и уважал его правила в этом доме. Он тоже мог быть громким, с его усов слетали капли еды и вылетали изо рта. Проблема была в том, что Гарри уже много лет не боялся Вернона; в этот раз он был готов постоять за себя и накричал на него, стукнув кулаком по столу и не сдержавшись, одновременно жестом указав Гермионе на их сумки, стоявшие у двери старого шкафа под лестницей, где когда-то жил Гарри. Он не стал распаковывать вещи, опасаясь чего-то подобного.

Дадли тоже умел играть в громкость. "Насколько большой?" - кричал он во всю мощь своих легких. "Насколько велики ее т..."

Удар кулака Гарри в челюсть Дадли, а затем грохот его тяжелого тела и стула, на котором он сидел, рухнувшего на пол, был не таким громким, как все эти крики, но в комнате стало так мучительно тихо, что все это прозвучало с удивительной четкостью. Гарри только что ударил Дадли с такой силой, что вывихнул ему челюсть и отправил на пол, а Вернон в мгновение ока вскочил на ноги, закричал ещё громче и бросился к Гарри, но к тому времени всё уже пришло в движение.

Гермиона была потрясена тем, что произошло, но она прекрасно понимала жесты. Она тоже поднялась на ноги и направилась к дверному проему. Вернон крикнул Петунии, чтобы та схватила ее, но она уже бросилась к сыну, чтобы проверить, все ли с ним в порядке, и Гермиона смогла проскочить через дверной проем и схватить их багаж. Гарри постарался сделать так, чтобы его тело служило щитом, сохраняя дистанцию и следя за тем, чтобы, когда

Вернон поднялся и его кулаки обрушились на спину Гарри, Гермиона была немного дальше и смогла открыть дверь и начать вытаскивать их вещи.

"Прекрати, Вернон, или ты тоже упадешь", - сказал Гарри.

<http://erolate.com/book/2890/69262>